

ДЕТЕКТИВЫ НИКОЛАЯ СВЕЧИНА

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

УРАЛЬСКОЕ ЭХО

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Автор благодарит *Владимира Миктока*
за историко-краеведческую экспертизу книги

Свечин, Николай.
С24 Уральское эхо : роман / Николай Свечин. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с
ISBN 978-5-04-175461-7

Действие романа Николая Свечина «Уральское эхо» происходит летом 1913 года: в Петербурге пропал без вести надзиратель сысской полиции. Тело не найдено, однако очевидно, что он убит преступниками.

Подозрение падает на крупного столичного уголовного авторитета по кличке Граф Платов. Поиски убийцы зашли в тупик, но в ходе их удалось обнаружить украденную с уральских копей платину. Террористы из банды уральского боевика Лбова выкопали из земли клад атамана и готовят на эти деньги убийство царя! Лыков и его помощник Азвестопуло срочно выехали в столицу Урала Екатеринбург, где им удалось раскрыть схему хищений драгметаллов, арестовать Платова и разгромить местных эсеров. Но они совсем не ожидали, что сами окажутся втянуты в преступный водоворот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175461-7

© Свечин Н., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

Пропажа агента

Вечером 10 июля 1913 года надзиратель второго разряда Петербургской сыскной полиции Иван Изралов не пришел на ежедневный доклад к чиновнику ПСП Левикову. Тот курировал Второе отделение наружной полиции ♦, куда входили участки, за которые отвечал агент ♦♦.

Левиков сперва не обратил внимания на неявку подчиненного. Титулярный советник был опытным служакой, а в 1907 году даже возглавлял Бакинское сыскное отделение, где пережил покушение на свою жизнь. Теперь Александр Степанович занимал в ПСП ответственную должность чиновника для поручений. Надзиратель не пришел на доклад — значит, был занят неотложным делом. Утром явится и отчитается.

Но Изралов не явился и утром. Это уже было из ряда вон, и на дом к надзирателю отправился курьер. Он вернулся ни с чем: жена сказала, что сама беспоко-

♦ Полиция Петербурга после 1906 года разделялась на шесть отделений, в каждое входило по 8–10 участков. Отделения возглавляли полицмейстеры, подчинявшиеся градоначальнику. *(Здесь и далее — примеч. автора.)*

♦♦ Правильно — надзиратель, но в просторечье их часто называли агентами.

ится за мужа. Ушел вчера в пятом часу пополудни с загадочным лицом и с тех пор не возвращался. В дверях спросил: если меня повысят в первый разряд, что тебе купить с нового жалования?

Чиновник немедленно доложил о происшествии начальнику сыскной полиции статскому советнику Филиппову. Тот успокоил подчиненного: за сорок семь лет существования их службы ни один сыщик не погиб. Скорее всего, агент попал на горячий след и пошел по нему. Такие случаи бывали — надзиратели иной раз проезжали пол-России, филируя преступника. Доберется Изралов до телеграфа и сообщит, где он и что с ним... Но на всякий случай шеф велел осмотреть квартиру и рабочий стол Ивана. Еще он спросил чиновника:

— Что вы ему поручали из последних дел?

— Иван отвечает за Первый и Второй участки Нарвской части, — сказал титулярный советник. — Вы же помните, Владимир Гаврилович, что у нас там.

Статский советник крикнул:

— Да уж...

Участки были одними из самых беспокойных в столице. Они охватывали местности по левому берегу Обводного канала между Царскосельским проспектом и речкой Таракановкой. Один Скотопригонный двор чего стоит! А еще два вокзала — Варшавский и Балтийский — плюс Митрофаньевское кладбище с его близостью к Горячему полю... Притоны Альбуминной и Старообрядческой улиц, казармы рабочих городской

бойни, бесконечные лабазы тряпичников вдоль канала... Темные обираловки вокруг банов♦, в каждой из которых квартирует отдельная хевра мойщиков или скрипушников... ♦♦ Пакгаузы железных дорог, как магнит притягивающие всю окрестную погань...

— А те два убийства тоже он дознавал? — настояжился Филиппов.

— Точно так. Без особого успеха, правда. Я уже собирался усилить Изралова другим надзирателем, да...

На этих словах чиновник ухватил себя за подбородок:

— Неужели?..

— Что вспомнили, Александр Степанович?

— Да он вчера и мне строил загадочное лицо. А потом бросил через плечо: не цените вы меня, но я докажу...

В конце июня за оградой Воскресенского женского монастыря нашли два мужских трупа. Документов при них не было, и на установку личности ушло несколько дней. Полицейские выяснили, что это были отец и сын Зыковы, богатые прасолы из Усть-Каменогорска. Приехали торговать скот, получили выручку — и их зарезали. Двойное убийство — происшествие чрезвычайное, градоначальник Драчевский постоянно спрашивал о ходе дознания у Филиппова. Но юбилейные торжества♦♦♦ отвлекали все силы сыщиков. Наплыв приезжих, неизбежные мордобой и поножовщина в местах народных гуляний — чины ПСП валились с ног и ждали осени.

♦ Обираловка — пивная; бан — вокзал (жарг.).

♦♦ Хевра — шайка; мойщик — поездной вор; скрипушник — вокзальный вор (жарг.).

♦♦♦ Трехсотлетие дома Романовых.

Филиппов тяжело поднялся, почесал объемистый живот и сказал:

— Идемте.

Они вошли в комнату надзирателей и двинулись вдоль столов.

— Вот этот его, — указал на стол у окна Левиков. — Делит вместе с Дмитриевым и Гунтаревым.

— Господа, где ящик Изралова? — спросил статский советник у агентов. Один из них, Гунтарев, открыл створку:

— Здесь, ваше высокородие. А еще навалено сверху.

— Что такое?

Филиппов взял со стола сорок шестой том словаря Брокгауза и Ефрона.

— Иван забрал вчера у журналиста♦.

— Зачем?

— Не сказал, ваше высокородие. А вон там закладку видать.

Статский советник раскрыл том на закладке и почернел:

— Вон оно как... Тут еще надпись.

Левиков взял из его рук полоску бумаги и прочел вслух:

— «Сусальников, Матвей, Екатеринбург». Абракадабра или подсказка, Владимир Гаврилович?

— А вот сюда посмотрите, — ткнул тот пальцем в колонку энциклопедического словаря.

— Платов? Тот самый, казачий граф?

♦ Журналист — чиновник канцелярии, отвечающий за архив.

— У нас, Александр Степаныч, свой Платов имеется. Нешто забыли?

Тут и Левиков дернул щекой:

— Ах ты господи... Не может быть! Он в столице? Хотя... в марте еще я получил об этом очень поверхностные сведения... докладывал вам, помните?

— Помню и не придал тогда значения, — кивнул начальник ПСП. — Вот и допрыгались. Найдем ли мы теперь Ваню? И думать об этом не хочется.

Филиппов оказался прав. Больше надзирателя второго разряда Ивана Изралова никто никогда не видел. Ни живого, ни мертвого.

Спустя сорок восемь часов в отдельном кабинете ресторана «Англия», что на Офицерской, 17, собрались три статских советника. Компанию Филиппову составили делопроизводитель Восьмого делопроизводства Департамента полиции Лебедев и чиновник особых поручений того же ведомства Лыков. Эти трое являлись лучшими сыщиками столицы. С недавних пор они установили обычай: раз в месяц встречаться и обсуждать накопившиеся вопросы. Сегодня начальник ПСП собрал коллег вне очереди — уж очень срочное было дело.

Выпив по первой рюмке и закусив, их высокогордия переглянулись. Алексей Николаевич кивнул Владимиру Гавриловичу:

— Начинай. Ты насчет Изралова?

— Да.

— Так и не нашли?

— Боюсь, и не найдем.

У Лыкова на лбу появилась невеселая складка.

— Это он весной помогал взять Жоржика Могучего на том же Обводном? ♦

— Он.

— Расторопный был...

Филиппов вздохнул, поправил на коленях салфетку и начал рассказывать:

— Имя Матвей на закладке и страница в словаре, на которой рассказывается про графа Платова, дают нам отчетливый след. Видимо, мой надзиратель обнаружил, что к убийству прасолов приложил руку некто Шелашников, бывший горнорабочий поселка Шайтанка Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Вы должны его знать — он уже пять лет как в циркулярном розыске.

Департаментские кивнули, но Лыков добавил:

— Уточни детали, а то мерзавцев всяких пруд пруди, всех не упомнишь.

— Этот особенный, — вздохнул главный столичный сыщик. — Зовут Матвей Досифеевич, лет от роду сорок пять, а кличка в уголовной среде — Граф Платов.

— Отчего так? — заинтересовался Лебедев.

— История длинная...

— Тогда махнем еще по рюмке, и продолжишь.

Они выпили, и Владимир Гаврилович задал неожиданный вопрос:

— Знаете, кто такие платирины?

♦ См. книгу «В отсутствие начальства».

Лыков пожал плечами. Но Лебедев, который много занимался классификацией примет, ответил:

— Это что-то связанное с носом. У платиринов он широкий.

— Верно, Василий Иванович. Платиринами называют представителей тех рас, у которых широкие носы. Это негры, негритосы и австралийцы. У них ширина носа в полтора раза больше, чем длина. А у европейцев, например, вдвое меньше. У иранцев или кавказцев соотношение еще меньше. Так вот. Наш герой имеет особую примету — именно такую картошку на лице вместо носа. Когда он в первый раз угодил в тюрьму, смотритель попался шутник и антрополог-самоучка. Он дал Шелашникову прозвище Платирин и даже записал его в статейные списки. Окружающие уголовники такого слова запомнить не могли и переиначили парня в Платова. Точнее, Графа Платова. Опять же, оба крещены Матвеями.

Алексей Николаевич почувствовал недосказанность и уточнил:

— У парня задатки вождя? Казачьего графа в народе уважают, просто так его именем не назовут.

— Да, наш горнорабочий недолго мыл золото. Вообще, с этим презренным металлом смолоду связана его жизнь. На Урале много золота, им занимаются все кому не лень. А где оно, там воровство, хищническая намывка, незаконная торговля. И кровь. Еще будучи шестнадцати лет, Шелашников убил у себя в Шайтанке десятского. Он нашел самородок в полфунта весом

♦ *Дача* — земельный участок, занимаемый прииском, с лесом, полезными ископаемыми, разработками и прочим.

и решил спрятать. Начальник увидел и отобрал. Так Матвейка зарядил ружье мелкими обойными гвоздями, пришел в контору и пустил гвозди обидчику в живот! Поскольку он был еще несовершеннолетний, попал в колонию, из которой вышел уже закоренелым преступником. Второй раз Шелашников зарезал скупщика ворованного с приисков золота, в той же Шайтанской даче♦. Вскоре попался, получил в подследственной тюрьме свою знаменитую кличку, а затем восемь с половиной лет каторги. Откуда и сбежал меньше чем через год. Это было в девятьсот третьем. С тех пор Графа Платова поймать не могут, а убийств на нем уже около десятка. С двумя прасолами, считайте, дюжина. И он приехал разбойничать в Петербург, сволочь.

— Где их сиятельство промышлял все эти годы? — спросил Василий Иванович.

— Главным образом на Среднем Урале, в родной Пермской губернии. В лихолетье примыкал к банде знаменитого Лбова. Командовал своей шайкой, но с мотовилихинским Робин Гудом тесно сотрудничал.

— Лбова давно повесили, — напомнил Алексей Николаевич.

— Да, пять лет назад. Но его многочисленных сообщников, а им счет шел на сотни, ловят по сию пору. Многие так и не получили наказания за свои изуверские подвиги.

Сыщики заторопились налить себе коньяку. Говорить о лихолетье им без крепких напитков не хотелось...

— Да уж, время было — не приведи Господь повторится... — буркнул Филиппов.

Лыков потерял шею — вдруг заболело в том месте, куда угодила пуля, выпущенная негодяем Варешкиным♦. Действительно, времечко было трудное, многие полицейские не сумели его пережить...

♦ См. рассказ «Варешкин» в сборнике «Удар в сердце».

— Что дали поиски? — вернул всех в настоящее Лебедев. — Вы ищете третий день, каков результат?

— Результат ноль, — кисло ответил Филиппов. — След, который взял мой надзиратель, мы изучили. И ничего нам это не дало. На закладке была фамилия Сусальников. Так звали владельца тряпичного склада на Обводном канале, угол с Везенбергской улицей. Весь тот конец воровской, а тряпичники — жулики все без исключений!

В самом деле, промысел по сбору тряпья и других отходов оставался головной болью полиции. Владельцы складов, хозяева артелей являлись важными людьми в преступной иерархии столицы. Именно они укрывали похищенное, переделывали слам♦♦, содержали воровские шайки и служили при них наводчиками. Особенно дурной славой пользовались Тосина и Боровая улицы, там честному промышленнику вообще жить не пристало. Но и другие закоулки вокруг Обводного канала были не лучше. Опасное место!

♦♦ Слам — воровская добыча.

— Так что Сусальников?

— Он сбежал в ночь пропажи надзирателя. Чем доказал свою к этому причастность. Мы наводим

♦ *Блатер-каин* — барыга, маклак, скупщик краденного.

справки, но дело трудное. Ясно, что он никакой не Сусальников, документы поддельные, а склад его — логовище блатер-каина ♦ крупного калибра. Мы отыскали там то, что ребята не успели унести: хлопок и кожи с пакгаузов, десять фунтов платиновой жести, целую гору мешков с сахаром-рафинадом. А еще три магазинные винтовки и тысячу патронов к ним.

— Винтовки? — оживился Лыков. — Террористам продавали?

— Многие купят такой товар, — осадил приятеля Владимир Гаврилович. — И кавказские абреки, и македонские повстанцы, и армянские боевики-дашнаки.

— Послали номера винтовок в Военное министерство?

— Разумеется. Ответа пока нет. Шерстим картотеку, смотрим, на кого похож липовый Сусальников.

— А приказчики со склада? Кассир? Дворник дома, где проживал барыга?

— Приказчики врут, что ничего не знали. Кассир тоже. Дворник — пьяница. Посадить мы никого не можем, припугнуть нечем. Бумаги, переписка — все исчезло, он захватил их с собой.

— Двойное убийство плюс пропажа сыскного надзирателя — да тут любой следователь распорядится на счет ареста, — возразил Лыков. — А в предварительной тюрьме прижмешь и приказчиков, и кассира. Они много знают!

Филиппов скептически покачал головой: мол, тебе легко говорить... Тогда Лебедев веско спросил:

— Владимир Гаврилович, чем мы с Алексеем Николаевичем можем тебе помочь?

— Привлеките силы департамента.

— Конечно, но какие именно? Тебе нужна наша картотека?

— Да. Я пришлю завтра фотопортрет лже-Сусальникова и описание его привычек. Копните у себя, хорошо?

— Копнем, а еще что? Отпечатки пальцев барыги сняли?

— Там сотни отпечатков, и в конторе, и дома. Не разберешься, какие из них его.

Департаментские неодобрительно загудели. Разобраться можно, было бы желание! Пальцевые отпечатки стали брать сравнительно недавно, но их картотека уже приблизилась к ста тысячам. Это если считать с ГТУ♦ и сыскными отделениями.

Владимир Гаврилович поспешил свернуть разговор и обратился к принесенному горячему. Остаток вечера прошел в беседах о том о сем, сыщики чревоугодничали. Лыков рассказал, что семейство решило избавиться от лесного имения в этом году. Его товарищи понимающе закатали глаза: завтра может быть поздно. Весь думающий Петербург чувствовал тягостное и неизбежное приближение беды. Одни веселились, другие продавали недвижимость. Лебедеву с Филипповым продавать было нечего, а веселиться не получалось...

♦ ГТУ — Главное тюремное управление.

♦ На Офицерской, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

На другой день Алексей Николаевич получил пакет с Офицерской♦. В нем лежала карточка с изображением малого лет тридцати семи, с плутоватым выражением лица и тонкими поджатыми губами. Заурядный господин и какой-то сухой, с глубоко запрятанным характером. Будто старовер, недоброжелательно отметил статский советник. Почему старовер? Он подумал и сам себе ответил: есть в этом сбежавшем деле что-то от начетчика.

Весь день Лыков рылся в картотеке департамента, излазил архив Окружного суда, справился в ГТУ. Начетчика он не нашел, хотя в глазах уже рябило от регистрационных карточек. Статский советник не сдавался. Этот человек причастен к убийству надзирателя сыскной полиции. В то, что Изралов жив, верилось с трудом... Сейчас десятки людей в столице ищут хоть какие-то зацепки. Они не успокоятся, пока не отомстят за товарища. Чиновник особых поручений в пятом классе при министре внутренних дел, прикомандированный для занятий в Департаменте полиции, — так длинно называлась должность Алексея Николаевича. А можно сказать одним словом — сыщик. Именно в таком качестве Лыков рыл землю, чувствуя себя с неимеющим чина надзирателем второго разряда братьями по крови.

Так... Осанка: выправка корпуса, манера держаться. Прозвище, кличка, ложное имя. Особенности жестикологии, гримасы, мимика. Природный язык, голос, иностранный акцент, областной выговор, наре-

чие. Походка. Особенности одежды. Особые приметы. Привычки, слабости. Из допросов близких к тряпичнику лиц выяснилось, что он говорил чуть гнусаво, при ходьбе сутулился, любил шанежки с творогом (где бы их еще взять в Петербурге) и в состоянии подпития сипло распевал «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”». Целая куча примет, но она ни к кому не подходила.

На другой день явился из отпуска загорелый Азвестопуло. Он начал было излагать шефу свои путевые впечатления, но тот заткнул фонтан красноречия коллежского асессора и велел помочь с поиском. А именно связаться с Московской сыскной: пусть пороятся в своей картотеке и попробуют найти любителя шанежек. Через кондуктора в Москву были посланы копия фотографии лже-Сусальникова и описание его примет.

Вышло так, что именно запрос в Первопрестольную дал результат. Люди Кошко♦ тоже чувствовали свою общность с пропавшим сыщиком и отработали на совесть. К концу недели стала известна настоящая фамилия тряпичника — Иван Пиньжаков, мастеровой поселка Шарташ Екатеринбургского уезда. Он действительно оказался старовером, их в Шарташе жило немало. Бандит из шайки того же Лбова по кличке Двоедан♦♦, он судился в 1907 году в Перми, за недоказанностью получил три года ссылки, из которой сбежал.

Итак, два злодея из одной хевры. Забытое дело осталось незавершенным. Недобитые птенцы «уральского Ринальдино Ринальдо» (так газеты именовали

♦ Кошко Аркадий Францевич — начальник Московской сыскной полиции (МСП).

♦♦ Двоедан — прозвище старовера.

атамана) расползлись по стране, отсиделись, переменили личность и опять взялись за старое.

Установив имена главных подозреваемых, полиция начала методичную работу по их розыску. Первым делом мобилизовали агентуру: Филиппов свою, а Лыков свою. У ПСП счет информантам шел на сотни, но это была главным образом «коридорная» агентура. Так называли мелких осведомителей, вхожих разве что в предбанник серьезной преступности. Воришки, мошенники, скупщики краденого, проститутки, половые в уголовных трактирах, «черные извозчики»♦. Состоящие с ними на связи агенты принимали ребят не на явочных квартирах, а прямо в служебных кабинетах на Офицерской. Люди в ожидании, когда их позвуют, толкались в коридоре у всех на виду, потому и прозывались коридорными. Нарушений конспирации тут не было: подобную публику и так через день тягали в полицию для внушений и расспросов. Находящиеся на свободе мелкие уголовники всегда считались подозреваемыми по текущим делам, сыщики трясли их с утра до вечера...

♦ «Черный извозчик» — сообщник воров, помогающий со своим экипажем совершать кражи.

Два-три десятка серьезных осведомителей, золотой фонд ПСП, работали иначе. С ними на явках встречались только чиновники сыска или даже помощник Филиппова коллежский асессор Маршалк. А двух-трех человек принимал сам Владимир Гаврилович. Им задачи ставились другие: не подслушать разговор фартовых за биллиардом, а разузнать, куда спрятались бывшие лбовцы.

Алексей Николаевич пошел своим путем. Первым делом он назначил встречу Сорокоуму — столичному «ивану иванычу», вождю преступного мира Петербурга Ларьке Шишку, или Рудайтису, в миру капиталисту Вырапаеву ♦.

♦ См. книгу «Паугина».

Они позавтракали в ресторане «Бугорки» на Мясной улице, подальше от любопытных глаз. За соседним столиком пристроились трое парней, каждый из которых был ростом с циркового борца Кашеева ♦♦. Еще один дежурил на улице, и карман у него сильно оттопыривал револьвер.

♦♦ Рост Григория Кашеева составлял 2 метра 18 сантиметров.

— Кого-то опасаясь? — кивнул на охранников сыщик.

— На всякий случай, — пояснил «иван иваныч». — Говори, зачем побеспокоил. Мне в Италию ехать надо, а тут ты...

— Пропал без вести надзиратель сыскальной полиции Изралов.

— Ну и что? Я-то тут при чем?

Вырапаев-Рудайтис смотрел на Лыкова холодными волчьими глазами, в которых не было ничего человеческого. Алексей Николаевич понял, что разговор не задается. Но следовало попытаться.

— Когда мы с тобой договаривались, ты сказал: везде должен быть порядок, и в фартовом мире тоже. Помнишь?

— Помню.

Статский советник начал горячиться:

— Убийство сысского надзирателя, по-твоему, порядок?

— Труп ведь нет? Нет. Почему вы решили, что тут убийство?

— Илларион Саввич, давай говорить серьезно. Что, Изралова держат где-то в подвале на цепи? И вскоре отпустят?

— Понятия не имею.

— Полно врать!

Лыков хватил кулаком по столу. Рослые ребята сразу вскочили и кинулись к ним, но «иван иваныч» жестом вернул их на место.

Собеседники помолчали, опрокинули по рюмке бенедиктина, и Рудайтис спросил:

— Алексей Николаич, какого лешего ты ведешь себя со мной как с капорником? ♦ Который получает трешницу за доносы. Ничего не перепутал?

— Извини.

— Так-то лучше. Начнем с начала. Пропал сысской надзиратель. Возможно, ты прав, его убили и где-то закопали. Что ты хочешь от меня?

Лыков потер вспотевшие вдруг ладони и заговорил спокойно:

— Знаешь, как я тебя называю в разговорах с Азвестопуло? Профессор Мориарти. Читал Конан-Дойла?

Бандит с усмешкой кивнул.

— Так вот, если ты Мориарти Петербурга, то обязан знать все, что творится в городе. А уж такое неслы-

♦ *Капорник* — секретный осведомитель полиции (жарг.).

ханное преступление, как убийство надзирателя сыскной полиции, тем более не могло пройти мимо твоего внимания.

Сорокоум продолжал молчать, только сверлил сыщика взглядом. Тот махнул еще бенедиктина, закурил каперсом и продолжил:

— Мы с тобой заключили соглашение. Не как лягач♦ с полицейским, а как две высокие договаривающиеся стороны. Ты от преступности, я от закона. Суть соглашения позволю себе напомнить: избегать крайностей. Правильно формулирую?

♦ Лягач — то же, что и капорник: доносчик (жарг.).

— Ну, в целом да...

— Не юли, ты ведь теперь не Ларька Шишок, как двадцать лет назад, а серьезный деловик.

Рудайтис тоже махнул рюмку и уточнил:

— Ты хочешь, чтобы я сдал тебе Графа Платова на блюдечке?

— Видишь, ты даже знаешь, кто убийца. Граф Платов, он же Матвей Шелашников. Он переступил линию, которую нельзя переступать — казнил полицейского. Никакая власть не потерпит подобного.

«Иван иваныч» с издевкой парировал:

— Ваша власть спустит и не такое.

Лыкову очень захотелось врезать бандиту кулаком в челюсть, но делать этого было нельзя.

— Ты хочешь сказать, что убийство останется безнаказанным? — спросил он.

— Нет, почему же. Поймай его и накажи.

— Я ловлю. Но считаю, что ты должен помочь мне.

— С какой стати? — опять усмехнулся Рудайтис.

— С той, что негодяй переступил черту.

— Лыков, ты эту черту сам придумал. Нету ее.

♦ Сложить —
убить; фигарис — сыщик
(жарг.).

Фартовый сложил фигариса... ♦ Так жизнь устроена. Ты хочешь ее поменять? Утопист!

— Не должно быть подобного в державе, — упрямо настаивал сыщик. — Вы бегаете, мы догоняем, это нормально. А убивать нельзя! За такое сразу в ящик.

Бандит вздохнул, словно устал от спора:

— Сними шоры. Или розовые очки, не знаю, как правильно. Держава твоя насквозь сгнила. В ней сейчас все дозволено. Чего верещишь, как малолетка? Не должно, переступил черту, в ящик... Пустые слова. Дам кому полагается сколько полагается и буду делать что хочу.

— Но...

— Заткнись. Какая еще черта? Сильный поедает слабого спокон веку.

Таким Лыков своего антипода еще не видел. Сорокоум явно не хотел помогать сыщику. И фактически отменил все прежние договоренности. Что случилось?

Постепенно до него стало доходить. Еще год назад он подвел своего осведомителя Сурувикова к ближайшему помощнику «ивана иваныча» Никифору Ногтеву по кличке Верлиока. Этот старый разбойник держал на Амбарной улице резбенно-иконостасную мастерскую. Звали его сейчас по паспорту Чухонцев. Наружно он резал иконостасы, а на самом деле дирижировал тор-

говыми операциями шефа. И не только торговыми, но часто и боевыми. Для этого при Верлиоке существовал карательный отряд. Лыков знал о двух ликвидациих, проведенных лиходеями, но начальству не докладывал. Убили-то разбойников, приятелей низложенного «ивана» по прозвищу Мезгирь, на котором крови было больше, чем на полевом хирурге...

Суровиков еще весной доложил сыщику, что люди Рудайтиса занялись скупкой украденного с приисков золота. И быстро вышли на значительные обороты, особенно на Среднем Урале. Именно оттуда был родом Граф Платов. И с золотом он имел дело смолоду. Не иначе, Матвей Досифеевич стал уполномоченным Сорокоума по рыжью и наладил скупку и доставку его в столицу. Далее «иван иваныч» уже сам продавал его в Германию и Австро-Венгрию через евреев-контрабандистов. Если догадка сыщика верна, питерский Мориарти не выдаст столь полезного человека. Можно уходить, беседа не получилась.

Конечно, Алексей Николаевич утаил свои мысли. Иначе Рудайтис догадался бы, что где-то возле него окопался лыковский освед. И сыщик сыграл обиженного. Он отодвинул тарелку с принесенным каплуном, встал и сказал резко:

— Так, значит? Вам теперь все можно? Ну, тогда и нам тоже все можно. Смотри потом, не пожалей.

И направился к дверям. Рослые парни опять вскочили и вопросительно смотрели на шефа. Тот махнул рукой: не мешайте, пусть уходит.

Так выстрел ушел в молоко. Но только на первый взгляд. Алексей Николаевич теперь знал, что разыскиваемый им злодей прячется под крылом Сорокоума. Это давало беглому, при возможностях «ивана иваныча», гарантию почти полной безнаказанности. Скорее всего, Рудайтис вывез разбойника из столицы и спрятал где-нибудь в провинции. Тем не менее шансы найти его есть. За Верлиокой установлено наблюдение, да и Суруиков в случае чего даст сигнал.

Прямо из «Бугорков» статский советник поехал на явочную квартиру на Газовой. По пути нанял «красную шапку»♦ и передал ему записку для Суруикова: быть через час в известном ему месте. Когда они встретились, полицейский изложил агенту ситуацию и поставил задачу.

♦ «Красная шапка» — посылный.

— Захар Нестерович, — сказал он, — дело трудное и опасное. Они убили агента сыскной полиции! Впервые за сорок семь лет ее существования. И Сорокоум даже не стесняется содеянного. Рамок нет, что хочу, то и ворочу. Не так мы с ним договаривались, не так. Видимо, полезность бывшего горнорабочего перевесила здравый смысл. Надо не только поймать убийцу, но и поправить мозги «ивану иванычу». Иначе он так далеко пойдет.

— Что я должен делать?

— Войти в золотые обороты бандитов.

— И каким образом? — старик нахмурил седые брови.

— Не знаю. Думай сам, соблюдай осторожность. Я понимаю, напрямки нельзя. Закинь удочки и жди, когда клюнет. Узнал же ты, что люди Сорокоума скупают краденое рыжье и возят его в Германию.

— Случайно однажды проговорился Верлиока. Второго раза может и не быть! Я продаю краденую мануфактуру, от рыжья стою далеко, и никто меня туда не пустит. Жди не жди, все равно не клюнет. Вы, Алексей Николаич, поручайте, что по силам. А не так...

— Адамова Голова, — напомнил старому головорезу его кличку сыщик, — не сердись. Делай, что по силам. Раздвинь только уши на всю ширину. Любая вскользь брошенная фраза, любая случайная оговорка — все мне на стол. Договорились? За сведения плачу премию.

Освед, получающий с продажи краденой мануфактуры от Рудайтиса три тысячи в месяц, только хмыкнул. Но тут же насторожился:

— Вы намекаете, что прижмете мою коммерцию? Больно много стал зашибать?

— Нет, что ты, — успокоил барыгу сыщик. — Уйдешь — мне нового придется искать. А где его взять? Торгуешь, что с тобой поделаешь... Но уши навостри!

ГЛАВА 2

Про золото и платину

Поиски двух бандитов зашли в тупик. Но Лыков был убежден, что «золотой» след рано или поздно приведет к ним. Он договорился о встрече с консультантом Монетного двора действительным статским советником Нетгальгорстом. Моложавый, умный, обходительный, консультант понравился сыщику с первых слов.

— Что у вас за интерес к нашим махинациям? — спросил хозяин кабинета. — И называйте меня Франц Христофорович.

Гость ответил:

— Спасибо, а я Алексей Николаевич. Вы правильно сформулировали: именно махинации и нужны. Много у нас золота проходит мимо Монетного двора?

— Точный подсчет невозможен по понятным причинам. Кто вам скажет, сколько он украл? Но мы думаем, что до половины реальной добычи минует казну. И продается в нарушение закона на сторону.

— Куда?

— А это смотря какое золото, — усмехнулся Нетгальгорст. — Из Сибири и Приморья утаенный металл уходит главным образом в Китай, немного в Японию. Из Екатеринбурга — в Европу.

— Почему добытчикам выгоднее обходить казенные закупки?

— Цена другая, — пояснил действительный статский советник. — Ситуация меняется, но не радикально. Прежде была монополия государства на скупку золота. И цену казна держала низкую, причем десятилетиями. В тысяча девятьсот первом году политика вроде как изменилась. Вышел закон о свободном обращении драгоценного металла. Обязательную продажу шлихтового золота государству отменили. Требовалось сдавать его в казенную золотосплавочную лабораторию, но теперь лишь для очистки и апробирования. Потом можно было забрать его обратно в клейменных слитках либо требовать за него ассигновки с уплатой денег из Государственного банка. Частным лицам разрешалось открывать собственные лаборатории для сплава золота и очистки самородной платины. Также дозволили свободный ввоз и вывоз золота за рубеж. Все это проходило в рамках денежной реформы Витте. Казалось бы, вот она, конкуренция и свободные рыночные отношения. Но все это на поверку оказалось пшиком.

— Но почему? — с недоумением спросил сыщик.

♦ «Падший металл» — одно из разговорных названий золота.

— А потому! Золото не медь и не чугун, чтобы отдать его на волю рынка. От цены «падшего металла»♦ зависит денежное обращение империи. И скачки цен обрушили бы рубль. Поэтому правительство, ослабив на словах вожжи, на самом деле оставило контроль за собой. Оно по-прежнему устанавливает низкую цену на добытое золото, и скупщики не от казны вынуждены придерживаться ее. Чуть выше покупать с рук можно, а намного выше — нельзя. Министерство финансов сразу же прижмет. Поэтому подпольная продажа, в обход официальной, никуда не делась.

— И большая выходит разница в закупочных ценах? Консультант ответил:

♦♦ Точная цена золотника в 1913 году — 5 рублей 50 и 350/363 копейки. В золотнике 4,26 грамма.

— Сегодня мы покупаем золото по пять рублей с копейками за золотник♦♦. А китайцы предлагали по девять и по десять рублей, сейчас же подняли до двенадцати! Вот добытчики и соблазняются.

Лыков записал цифры и продолжил расспросы:

— А в Европе сколько платят? Какие страны отличаются в незаконной скупке русского золота и как оно проходит таможеню?

— Через границу его тащат контрабандисты, евреи и чуть-чуть финляндцы. Больше всего покупает Германия. Роттердамские и венские ювелиры весьма охочи до золота, там тоже одни евреи. Словом, это их национальный промысел. Или, как говорят англичане, бизнес. Но цены в Европе более умеренные, выше девяти рублей за золотник не платит никто.

— И все равно выгодно?

Консультант пояснил:

— За морем телушка полушка, да дорог перевоз. Уральское золото в Поднебесную доставлять трудно, проще в Вену. Рентабельность все равно высокая.

— Так, понятно. Но какие объемы? Меня интересует канал именно в Европу.

Нетгальгорст зашелестел бумагами:

— В прошлом, тысяча девятьсот двенадцатом году, на Урале хорошо поработали. Казна купила пятьсот пятьдесят три пуда. Будем осторожно считать, что добыли и скрыли от государства половину от этого значения. Значит, двести семьдесят шесть пудов ушло за рубеж. Примерно...

— Ого! — сыщик присвистнул. — И на какую сумму можно предположить контрабандный вывоз?

— При цене девять рублей за золотник... — Консультант придвинул к себе счета и защелкал косяшками. — Это тянет...

Он получил итог и даже привстал:

— Действительно ого! Девять миллионов пятьсот тридцать восемь тысяч. Не может быть. Я, верно, обсчитался. Преувеличил объем краж.

— Боюсь, Франц Христофорович, что скорее преуменьшили.

— Алексей Николаевич! Как же это так? — консультант бессильно развел руками. — Нет, я обсчитался, прошу меня извинить. Миллион-другой куда ни шло, но девять!

♦ *Старатель* — вольный добытчик, арендующий золотоносные участки у их владельцев; *горбач* — дикий старатель, хищнически добывающий золото в чужих участках.

♦♦ *Рафинад, рафинирование* — аффинаж, очистка металла от примесей.

— Точную цифру нам никогда не узнать, — примирительно сказал статский советник. — Ведь воруют золото не только старатели и горбачи♦, верно?

— Увы, так и есть. Примерно поровну идет. Половину прячут от казны самостоятельные добытчики, а половину — управляющие приисков. Хотя...

Нетгальгорст опять защелкал костяшками:

— Уф... Все же я немного приврал. Посчитал чистое золото, а его надо сначала сплавить. В России три лаборатории: в Екатеринбурге, Благовещенске и Владивостоке. Если сплавлять в них официально, Министерство финансов узнает. Поэтому контрабандисты чаще всего тащат через границу песок или самородки. И уже немцы потом делают рафинад♦♦.

— То есть надо вычесть примеси, — сообразил сыщик. — На сколько уменьшаем ваши миллионы?

— В уральском золоте?

— Да.

— Зависит от месторождения. В самом большом, Березовском, надо вычесть в рудном золоте примерно семнадцать процентов. А в россыпном — все двадцать пять. Но ведь при очистке выделяются серебро и платина! Они тоже дороги. Нет, точный подсчет все-таки невозможен.

— А кто тайно сплавляет золото? — не унимался Лыков. — Если хочется вывезти уже чистый металл.

— Ювелиры с преступным складом характера, — ответил консультант и саркастически добавил: — Вы таких, возможно, и знаете по роду службы, а?

— Пяток найдется, Франц Христофорович, и это только у меня. На самом деле их десятки. Но действительно ли в частной ювелирной мастерской можно сплавить чистое золото, выгнав примеси?

— Разумеется. Если большие тигли и мощная печь.

Тут Лыков вспомнил, что на складе сбежавшего тряпичника нашли платиновую жечь. И поинтересовался:

— А что у нас с платиной?

— В каком смысле? — не понял Нетгальгорст.

— Монетный двор ее тоже покупает?

Тут консультант удивил сыщика:

— Нет, этот металл нас не интересует. Монеты из него давно не чеканят.

— У меня дома есть монета в двенадцать рублей с надписью «чистая уральская платина», — похвастался Алексей Николаевич.

— Теперь она предмет коллекционирования для нумизматов. Такие монеты выбивали с тысяча восемьсот двадцать восьмого по тысяча восемьсот сорок пятый год. А потом прекратили.

— Почему?

— Чеканка обходилась очень дорого. А затем стоимость самого металла опустилась ниже номинала монеты. Ее стали подделывать за границей и ввозить в Россию. Чеканили трехрублевки, шестирублевки (они же дуплоны) и двенадцатирублевки (эти назывались квадрупли). Ваша самая редкая, всего их выпустили менее трех с половиной тысяч штук.

— Но неужели платина столь дешева?

— Цена на нее неустойчива, но постепенно растет. Все в руках англичан, а они делают, как им выгодно.

— Не понял. Какие такие англичане?

Нетгальгорст заговорил с досадой:

— Те, которые на острове сидят. Старые друзья русских, в кавычках, конечно. Дело в том, что платина тугоплавка, ее сложно спекать. Только в пламени гремучего газа. Технологию придумали в фирме «Джонсон, Маттей и Ко». И стали всемирными монополистами на много лет.

— Всемирными?

— Ах, Алексей Николаевич! Ведь платину в мире добываем только мы. Хотя она много где есть: в Бразилии, Перу, Испании, Ирландии, Калифорнии, на Гаити и Борнео. Но промышленное значение имеют лишь копи в Колумбии, в провинции Чоко. Целых четыре процента мировой добычи там выкапывают. А остальные девяносто шесть процентов идут с нашего Урала. Извлечь ее из земли русские могут, а распорядиться к своей выгоде — нет.

— Но почему? — недоумевал сыщик.

— Исторически так сложилось. Еще при Николае Первом правительство продало всю накопленную платину той же компании «Джонсон и Маттей». Нам некуда было девать металл, когда перестали чеканить из него монету. Англичане купили огромный запас и до сих пор на нем сидят. Поскольку регулируют закупочную цену, как им выгодно. А мы еще плохо умеем очи-

щать от примесей. Поэтому поставляем самородную платину за границу по бросовой цене. Хотя аппарат для плавления Сен-Клер Девиля давно известен...

Лыков решил разобраться до конца:

— Франц Христофорович, но ведь платина не золото. Монеты из нее не чеканят, украшения почти не делают. А на что она тогда нужна?

— Это благородный металл. Со всеми его редкими и ценными свойствами. Не окисляется! Растворяется лишь в царской водке♦, и то очень медленно. Поэтому в прошлом веке ее использовали главным образом для изготовления химической лабораторной посуды, особенно стойкой к реакциям. Кубы, реторты, перегонные аппараты, приборы, тигли, цедилки, а еще ложечки, шпатели, щипцы и прочее, что требуется химикам. Много платины потребляют дантисты. Еще она используется в телеграфном деле, в производстве часов. А в последнее время спрос увеличивается за счет электротехнической промышленности. Скоро он перевесит спрос со стороны химии. Значит, платина понадобится в большом количестве германцам, они сейчас главные фабриканты электрики. Кроме того, металл этот очень тягучий, из него можно получать тончайшую проволоку. Что весьма ценно при изготовлении взрывателей.

— Тоже немцы заинтересованы, — со знанием дела вставил Лыков. — Скоро начнется большая война, взрывателей понадобится много.

— Да? — осекся консультант. — Вы полагаете?

♦ Царская водка — смесь концентрированной соляной и азотной кислот; используется для аффинажа благородных металлов.

— Не я, военные. Они убеждены, что мирной жизни нам отпущено самое большее три года. Так что платина скоро будет дороже золота.

— Понятно...

— Что вам понятно? — насторожился сыщик.

— Очень выросла ее контрабанда в последнее время. Примерно триста пудов с Урала ежегодно продают за границу законным образом, через таможеню. Преимущественно во Францию и Англию, как я говорил. И до ста пудов везут контрабандой в Германию. А раньше тащили едва-едва тридцать пудов... Самый большой завод по очистке платины находится в Сен-Дени, в пригороде Парижа. Но, говорят, немцы строят завод еще больше. Готовятся к войне?

— Не иначе.

Собеседники помолчали, затем статский советник вновь взялся за карандаш:

— Так сколько стоит платина нынче? Она ведь дешевле золота?

— Пока да. Золото идет за пять с полтиной, а платину еще можно купить за четыре рубля двадцать копеек. Это в Пермском горном округе. На приисках Бурдакова и у наследников Демидова — уже четыре рубля восемьдесят копеек. И цена все время растет! Как будто кто-то искусственно толкает ее вверх.

— Толкает постоянно повышающийся спрос, — предположил Алексей Николаевич. — Сами говорите: электротехническая промышленность на подъеме.

— А вы дополняете: война на носу, — парировал Нетгальгорст.

— Вот и все нехитрое объяснение, — вздохнул сыщик. — Как говорят экономисты, спрос рождает предложение. А казна закупает платину?

— Нет, только золото. Платину сплавляют в лабораториях, забирают в казну три процента в качестве государственной подати, а остальное возвращают добытчику. И тот делает с ней, что считает нужным.

— Преимущественно отсылает за границу?

— Не всю, — поправил статского советника действительный статский. — Здесь, в Петербурге, в Тентелевой деревне уже тридцать лет действует химический завод, который перерабатывает платину. Из нее изготавливают ту же химическую посуду, фотореактивы, тигли, проволоку, а еще капсулы для подрывных патронов. Потом, в последнее время ее чаще стали использовать в ювелирном деле. Но большая часть «белого металла» действительно идет на запад. Стоит ли тогда удивляться, что наша золото-платиновая промышленность почти целиком находится в руках иностранцев.

— Кого именно? — опять принялся конспектировать Лыков.

— На первом месте французы, их «Платино-промышленная анонимная компания», сокращенно ППАК, крупнейшая на Урале. Начали они со скупки приисков виконта де Прэнса Вийера, а сейчас заняли чуть не весь Верхотурский уезд. Затем идут англичане, и в конце бельгийцы.

— А германцы?

— Германцы спохватились позже всех, — пояснил Нетгальгорст. — Но спохватились, я вижу... Существует международный синдикат по скупке платины. ППАК с ним воюет: то входит в его состав, то выходит обратно. Хитрая германская компания «Гереус» тихо и незаметно прибирает дело к рукам. Очень выгодное дело с очень перспективным будущим.

На этих словах он вынул из жилетного кармана часы и щелкнул крышкой. Сыщик понял, что пора заканчивать разговор.

— Франц Христофорович, давайте резюмируем, — сказал он. — Как я сумел понять, золото и платина являются у нас в России объектом контрабанды. И оборот ее идет на миллионы. Так?

— Так.

— Но почему нельзя отсечь гадине голову? А именно взять и повесить казенные закупочные цены до уровня рыночных? Тогда все операции с благородными металлами перейдут в законное поле.

— Я же говорил, — нахмурился консультант, — что тогда мы подорвем курс рубля. Вот, глядите!

Он порылся в бумажнике и выложил золотую пятерку.

— Это самая мелкая наша золотая монета. Вес ее равен аккурат золотнику. Который мы сейчас уже покупаем за пять рублей пятьдесят копеек! То есть больше номинала пятишницы. Пока нас выручает лишь

наличие лигатуры♦. И то уже балансируем на грани себестоимости. А если повысит цены, как вы предлагаете, то мы обрушим рубль. Придется вводить двойной его курс: бумажный и золотой. Вся реформа Витте насмарку.

— Начнется война, и введем, — вздохнул Алексей Николаевич, убирая блокнот. — Никто не позволит, чтобы в условиях военных действий драгоценные металлы утекали к противнику. Или снова объявим монополию на скупку по твердым ценам.

— Война... — пробормотал действительный статский советник и поднял глаза на сыщика. В них был страх.

♦ *Лигатура* — примеси к благородному металлу в монете.

ГЛАВА 3

Все началось с «тряпезонов»

Лыков изложил свои соображения начальнику ПСП. Граф Платов занимался в городе операциями с драгоценными металлами. Видимо, по поручению главного столичного злодея. Вот подсказка, которая должна дать след.

В свое время, установив личность Мориарти не-вского разлива, Алексей Николаевич сообщил об этом директору Департамента полиции Белецкому. Тот заинтересовался, но не сильно: политический сыск забирал все его внимание. С разрешения шефа Лыков ввел в курс дела трех сослуживцев: Лебедева, Филиппова и начальника ПОО♦ полковника фон Коттена. Министру и его товарищу полицейские ничего сообщать не стали.

♦ ПОО — Петербургское охранное отделение.

Теперь Филиппов, который вел за «иваном иванычем» собственное наблюдение, толкнул дело. И самым

неожиданным образом. Выдающийся сыщик и большой знаток столичного дна, он понял главное: для масштабной скупки золота Рудайтису нужна сеть комиссионеров. Выйти на нее сразу не получится, следует тянуть ниточку с конца. И Владимир Гаврилович приказал взяться за «тряпезонов».

Так именовали преступный промысел, которым занимались те же тряпичники — отсюда и название. Люди с мешками стояли на перекрестках главных торговых дорог. Не парадных проспектов, а тех, по которым ломовики возили товары. Они махали едущему обозу, возницы останавливались и ссыпали жуликам в подставленные мешки то, что находилось на качке♦. Мука, овес, вата, рис, хлопок, медь, сахар — все шло в дело. Тряпичники тут же расплачивались и уходили с добычей. Воровство происходило прямо на улицах, на виду у множества людей, включая постовых городских. Обнаглевшие «тряпезоны» никого не стеснялись. Пропажу одного-двух пудов груза хозяева не замечали или махали на мелкие потери рукой. Но из таких пудов складывались уже значительные обороты. Рядовые воры приносили slam в склады тряпичных артелей, где итоговая добыча считалась уже на десятки и сотни пудов. Покупать их на Обводный канал приезжали нечистоплотные магазинчики. Власти заворуженно наблюдали за происходящим и ничего не делали.

Владимир Гаврилович дал команду, и за мешочников взялись сыскные. Нажали как следует: счет арестованным пошел на дюжины. Их хватали на месте пре-

♦ Качка — телега ломового извозчика.

ступления, за компанию с ломовиками, и доставляли на Офицерскую. Там допрашивали и быстро отправляли в Домзак. Кражи вроде бы мелкие, мировой судья приговорит к месяцу арестного дома, но до передачи дела судье пройдет время. Человек кукует в цинтовке, а дома семья без куска хлеба... Сыскные готовы войти в положение, но говорят: заслужи свободу. Расскажи, как у вас устроено воровство, кто главный, кто на подхвате, куда девается товар. Не знаешь? Тогда сиди. У следователя таких, как ты, много, к зиме дойдут руки и до тебя... И самые слабые начали давать показания. Уже через несколько дней Филиппов столько знал о тряпичных королях, сколько за десятилетия не доходило до полиции. Но его интересовали крупные деловики, те, кто мог по своему масштабу заниматься фиксом♦. Цепочка постепенно складывалась, одно ее звено тянуло за собой другое.

♦ Фикс — то же, что и рыжье: золото (жарг.).

Сначала в нехорошем трактире «Золотая нива» на Мало-Царскосельском проспекте по наводке «тряпезонов» арестовали крайне опасного вора-взломщика Ивана Гусева. Этот крестьянин Лужского уезда Петербургской губернии славился тем, что всегда ходил с ножом. А при задержании оказывал полиции вооруженное сопротивление, что не свойственно русским фартовым. При воре обнаружили ломбардные квитанции на украденные им вещи. Мужское пальто на кошачьем меху с воротником из стриженной лисицы, кофта выхухолевая на атласе, олень полупальто... Подсказку дала самая дорогая находка — шинель

драповая на вате с мерлушковым воротником шалью. Таковую стянули у самого действительного статского советника Елисеева! Григорий Григорьевич возглавлял торговое товарищество «Братья Елисеевы», а еще массу других обществ. Конезаводчик, виноторговец, банкир, владелец пивоваренного завода, парфюмерной фабрики, завода по изготовлению автомобилей... Потомок оборотистых ярославских крестьян стал гласным Думы, был возведен в дворянство и носил Владимира на шее. Магнат первый сорт. А за копейку удавится.

Беседу с вором провел коллежский регистратор Кренев, любимый сыщик Лыкова в ПСП. Человек умный и хваткий, опытный и храбрый, Сергей Николаевич вырос из надзирателей в исправляющие должность районного чиновника. Кренев расписал Гусеву перспективы. За ношение ножа ему светит всего месяц тюрьмы. А вот за кражу со взломом, да еще у Елисеева — рэштак♦ года на четыре. С последующим запретом жить в Петербурге. Навечно! Однако можно смягчить участь, если вор ответит на некоторые вопросы.

Опасный на воле, в кутузке взломщик сдулся и дал правдивые показания. Сыщиков интересовало, кто из столичных маклаков скупает золото и платину. Вот, к примеру, куда делись золотые часы-браслет♦♦, что Ванька стырил у его превосходительства? Насчет платины Гусев лишь развел руками. А насчет золота назвал Кольку Таракана — Николая Тараканова, известного маклака с Белозерской улицы. Что важно, вор выдал

♦ *Рештак* — арестантские роты, исправительные арестантские отделения.

♦♦ *Часы-браслет* — наручные часы.

♦ «Красный» — вор.

♦♦ Устройство с рукавом и носиком на конце, в которое заливали горячую воду, потом клали горящие угли, превращали воду в пар и выкуривали им клопов.

♦♦♦ Долевые весы предназначены для взвешивания золота, разновесы к ним кратны долям (доля — мера веса золота, равна 1/96 золотника или 44,435 мг).

вторую квартиру перекупщика, которую тот скрывал. Полиция наведлась туда и обнаружила огромную кладовую, забитую купленными у «красных»♦ вещами. Одних только пальто там насчитали более двухсот! А еще много другого, включая даже швейные машины и аппараты для истребления клопов паром♦♦.

Таракан быстро сломался и выдал старшего подельника, блатер-каина Элью Дворшака по кличке Эльюшка Жид шпареный. Шлиссельбургский мещанин был давно известен полиции. Он отсидел два года в исправительных отделениях, после чего поселился где-то на Севере. А вот чего сыщики не знали, так это того, что Дворшак тайно вернулся в Петербург и открыл на подставное имя лавку на Александровском рынке. И опять взялся за скупку краденого.

Крнев несся по следу семимильными шагами. Он нагрнул к Эльюшке и захватил еще один подпольный ломбард, доверху набитый сламом. Внимание Сергея Николаевича привлекли долевые весы с клейменными разновесами♦♦♦. Увидев их, он сразу телефонировал Лыкову.

Вдвоем сыщики насели на маклака. Тот был прожженный, долго упирался и грозил пожаловаться прокурору. Фараоны в ответ смеялись. Алексей Николаевич сел разбирать ломбардные квитанции и наткнулся на знакомую вещь. Серебряный портсигар с красным камнем, выкованный в форме самородка! Такой пропал у зарезанного зимой поручика лейб-гвардии Саперного батальона. Убийц до сих пор не

нашли, и вот предмет, принадлежавший жертве, обнаружился у скупщика.

С этой минуты участь Дворшака была решена. Он сразу понял, куда выворачивает: укрыватели убийства по закону получают наказание тремя степенями ниже главных виновных. За гвардейского поручика исполнителям светит каторга второй степени, то есть от пятнадцати до двадцати лет. А укрывателям, стало быть, пятой степени — от восьми до десяти. Это не в Литовский замок ♦ на пару годков, тут кандалы наденут, и надолго. И маклак сдал убийцу — того самого Графа Платова, за которым охотился Лыков. Заодно Жид шпареный сообщил, что является средним в иерархии маклаков. Ему достаются лишь объедки от пиршества самого Шифа, а вернее, та покража, от которой Шиф отказался.

Так сыщики вышли на главного в столице барыгу, о котором полиция до той поры не имела обличающих его сведений. Очередной шлиссельбургский мещанин Мовша Пинхусов Шиф держал в доме № 9 по Сытнинской улице магазин часов, золота и серебра. Репутация его стояла невысоко: в магазине несколько раз задерживали воров. Однако попадались они без краденого, предъявить ни им, ни барыге было нечего. Но на сей раз Кренив с Лыковым нагрянули на Сытнинскую ночью. Успех превзошел все их ожидания — сыщики накрыли пещеру Аладдина. Главное, что в задних комнатах спокойно спала целая воровская шайка. На столе стояли бутылки с водкой, лежа-

♦ В Литовском замке находилось Петербургское арестантское исправительное отделение.

♦ Выручка —
касса.

ла закуска — хевра находилась на длительном постое. А под выручкой♦ обнаружили в большом количестве инструменты для взлома: коловороты, сверла, фомки и тому подобные предметы. Оказалось, что скромный торговец в золотых очках, с лицом знатока Торы являлся главарем огромной преступной организации. Он управлял сразу несколькими бандами громил: снабжал их воровским инструментом и паспортами, покупал краденое, кормил и поил в долг, давал наводки, планировал крупные налеты, обеспечивал кров и ночлег. Такого петербургская полиция еще не видывала.

В магазине спящими были схвачены Василий Антонов (Васька Страус), Петр Печинский (Чинуша) и Иван Валвенкин (Ванька Чухна) — давние знакомые сыщиков, квартирные громилы в розыске. А в комнатах отыскивалось несколько тысяч краденых вещей, от терракотовых статуэток до золотых перстней с бриллиантами. Нашелся даже чугунный съем для сапог весом два пуда, похищенный из Пажеского корпуса. Обыск и изъятие слама шли до конца следующего дня. Сыщики вели свою работу тихо, и в поставленную засаду к вечеру угодило множество других гренадеров Мовши Пинсуховича. Их доставили на Офицерскую, и весь наличный состав отделения сел заполнять листы задержания.

Гости сыскной составляли цвет воровского мира Петербурга. В дополнение к уже попавшимся были задержаны Зиновий Корнилов (Зинка), Александр Трей (Сашка Жид), Александр Гавриков (Татарин),

Михаил Кудаков (Мишка Суслик), Георгий Фадеев (Галенок), Иван Веселов (Ванька Козел), Александр Константинов (Сашка Кондитер), Николай Протасов (Колька Солдатик), Михаил Богданов (Чижик), Дмитрий Николаев (Пушкарь) и Павел Суслов (Лапа). Все они давно значились в картотеке ПСП. И теперь попались с поличным, с воровскими инструментами, с добычей. Намечался крупный судебный процесс, причем доказательная часть обвинения обещала большие перспективы.

Сыщики вздохнули с облегчением. Каждое лето они играли с ворами в догонялки. Жители уезжали на дачи, поручая надзор за пустыми квартирами дворникам. Ну а те живые люди... То напьются, то отлучатся, то не заметят за работой шмыгнувших в подворотню домушников. А иной раз и пустят их за мзду. Затем умелые ребята высверливают дыру в двери черного хода, просовывают в нее проволоку и сбрасывают наложенный изнутри крючок. Проникают в жилище, спокойно его обчищают и уходят к маклакам. Из парадного все выглядит нетронутым. Пока, спустя недели, приедут с дачи жильцы, пока они хватятся пропажи, пока принесут списки похищенного в полицию — вещи те уже проданы и сменили не одного владельца. Самый результативный поиск — по горячим следам — невозможен. Лето давало «красным» фору. В мастерских тряпичников портные с утра до ночи перешивали одежду, спарывали метки, затем перекрашивали — в результате вещи уже было

не узнать. А в мастерских нечистоплотных ювелиров с краденых украшений (портсигаров, брелоков и колец) стирали дворянские короны, монограммы и дарственные надписи. Именно в дачный сезон служба сыщиков была наименее успешна. Но теперь им попались самые удачливые и опытные домушники. Количество квартирных краж в Петербурге сразу пошло на убыль.

В кабинете Кренева устроили большую выставку. Найденные у барыг вещи разложили на столе, в шкафу, на подоконнике и даже на стульях. Потерпевших через «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции» пригласили на опознание. Люди толпились с утра до вечера, ахали, писали заявления...

Когда притон накрыли, соседи рассказали сыщикам, что творилось в магазине и возле него. Громилы приходили средь бела дня с узлами и корзинами, набитыми добычей. Прямо на улице шел торг. На глазах у дворника из узлов извлекали краденое, и маклак начинал торговаться. Часть он сразу покупал за бесценок, а часть сдавал в ломбарды. У Шифа имелся помощник, старший приказчик Ной Горель, сам в прошлом вор. Он прошел арестантские роты, был лишен столицы и жил под чужим именем. Горель разносил краденое по ломбардам, сдавал его, вел учет срокам и деньгам, менял квитанции и залого. Еще к Шифу приходили другие маклаки, рангом ниже, и разыгрывали между собой то, от чего он отказывался. А воры,

получив наличность, становились к магазинщику на постой. Начинались пьяные разгулы, песни под гармошку, водка лилась рекой... Все это безобразие околоточный надзиратель и участковый пристав странным образом не замечали.

В сбыте помогал и бывший дворник дома № 11 по Матвеевской улице Александров, отставленный от должности за преступный склад ума. В его каморке нашли около сотни серебряных вещей: часов, папиросников, столовых приборов.

Лыков с Филипповым крепко взяли Шифа в оборот. Тот продержался два дня, после чего стал давать признательные показания. Грандиозный притон, в котором обитала чуть не половина столичных воров, не мог существовать просто так, благодаря везению блатер-каина. Алексей Николаевич показал ему фото Сорокоума и спросил с нажимом:

— Это твой хозяин?

Мовша понурил голову:

— Он же меня живьем съест...

— Расскажи без протокола, в акт дознания не войдет. Но признаться нужно.

— Зачем вам мои слова без протокола? Нет, вы меня обманываете!

— Ты все равно потом на суде откажешься.

Шиф вскинулся:

— Конечно, откажусь. Господа, не спрашивайте меня об этом человеке, он страшнее черта. О чем хотите буду говорить, только не о нем.

— О чем хотим? — Лыков сделал вид, что заинтересовался. — Ну, давай о золоте с платиной. Ты продавал его Графу Платову, то бишь Матвеем Шелашникову?

— Да, — сразу признался маклак. — Такое было условие... человека, о котором я не хочу говорить. Он интересуется золотом, и особенно платиной, в любом состоянии. Лом, слитки, шлихтовый песок, самородки, рудный концентрат, монеты, ювелирка, оклады с икон — все берет. Видимо, имеет собственную золотосплавочную лабораторию. Тайную, конечно. А Шелашников — его приказчик по рыжью, я с ним имел дело. До недавнего времени.

— А когда это поменялось и почему? — ухватился за последнюю фразу Филиппов.

— Неделю назад меня вызвали... ну, туда.

— На угол Большой Колтовской и Корпусной? — назвал адрес «ивана иваныча» Лыков.

— Да. Все-то вы знаете...

Шиф немного успокоился и рассказал о своей беседе с Сорокоумом. Тот сообщил, что Граф Платов временно перестает быть его уполномоченным по рыжью. Вместо него ювелиру придется иметь дело с другим человеком. И позвал старика с седой бородой, который назвался Ногтевым (это был Верлиока). Они обсудили цены. Хозяин пожурил гостя за то, что тот мало сдает платины. И сказал: этот товар мне нужен позарез, можешь поднять закупочную цену до пяти рублей за золотник.

Шиф уточнил: чистой платины не достать, в Петербурге, как и по всей России, встречается толь-